Волжская коммуна
г. Куйбышев

5 — 23 ОКТ 1960

ВОЛЖСКАЯ КОММУНА

Заслуженный артист РСФСР М. Д. Чумаков.

КУЙБЫШЕВСКИЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

ОЧЕРК

1.

Обычно, когда произносят или пишут слово «талант», к нему прибавляют эпитеты — яркий, щедрый, самобытный, могучий. Но есть талантливые люди, к которым подобные определения не подходят. О них хочется говорить сдержаннее, мягче, задушевнее. Хочется найти для них слова более простые и точные. К таким людям, мне кажется, принадлежит и Михаил Дмитриевич Чумаков, хормейстер Волжского народного хора.

В рецензии на спектакль обязательно говорится о режиссере. В статье о симфоническом оркестре нельзя не писать о дирижере. Но часто, когда речь заходит о хоровом коллективе, имя хормейстера упоминается мимоходом. Нарушая эту традицию, попытаемся рассказать читателю (хотя бы в самых общих чертах) о творчестве М. Д. Чумакова.

Поднимемся на третий этаж здания филармонии. Хоровой коллектив волжан готовится сейчас к гастрольной поездке на Дальний Восток. Идут репетиции по группам. В одной из комнат — танцевальная группа. В комнате бухгалтерии и кабинете художественного руководителя проходят занятия с солистами, а в малом, так называемом циркульном зале собралась хоровая группа. Это основной «цех», включающий в себя более пятидесяти человек. Люди разместились полукругом на стульях. В глубине зала — хормейстер. Он сидит у столика, положив перед собой кисти рук вниз ладонями. Репетиция начинается с «вокальной гимнастики». Артисты «распевают» свои голоса, повторяя отдельные фразы из знакомых народных песен, то выше, то ниже, то одни альты, то одни сопрано, басы, тенора, то все вместе.

Бни-и-из по ма-а-атушке-е, по Во-олге...

Потом пробуют другую песню. Тоже какую-нибудь одну фразу. И снова она звучит на все лады.

Длится это примерно полчаса. Затем коллектив дружно начинает новую, разучиваемую песню: «Ты возмой, туча грозная»...

Вот слышится хлопок в ладоши: «Стойте!». Хор умолкает. Несколько секунд царит тишина. Молчат артисты, молчит и Чумаков. У него много замечаний, но на первых порах нужно отобрать важнейшие из них, а остальными можно временно пренебречь.

— Не то, друзья мои, — тихо говорит он. — Начали песню крикливо. Форсируете голос, суетитесь... Прошу сначала!

Сосредоточились. Начали. Спели несколько куплетов.

— Тенора, не плетитесь, энергичней ведите песню, вперед! — слышится голос Чумакова.

Повторили. Но хормейстер опять недоволен: в одном месте он требует более четкого ритма и чистой интонации, в другом — мягкого окончания фразы, в третьем — большей согласованности групп. Спели еще раз, как будто без сучка и задоринки, ан, нет, опять не то!

— Глубокого внутреннего разворота песни у нас пока не получилось, — объясняет Михаил Дмитриевич. — Не нужно заучивать по-школярски. Нет, нет! Так можно заштамповать песню, выхолостить из нее самое дорогое. Понимаете? Пойте свободнее, проще, живее... Прошу еще раз сначала!

Отдельные фразы и куплеты повторяются по пять-шесть раз, пока, наконец, хормейстер не скажет: «Как будто неплохо! Ну, что ж, друзья, сделаем перерыв!»

Оживленно переговариваясь, артисты спешат в столовую. А вечером — снова занятия, спевки, тренировки, консультации с художественным руководителем хора, с композиторами, балетмейстером, музыкантами... И так — каждый день.

2.

Михаил Дмитриевич Чумаков — воспитанник Московского музыкально-педагогического училища и института имени Гнесиных. Но одним из важнейших источников формирования его таланта были впечатления, полученные им в детские и юношеские годы. Поэтому перенесемся мысленно примерно на тридцать пять лет назад.

Представьте себе изумрудно-прозрачную, игривую речку Ию, один из многочисленных притоков Ангары. По одну сторону от самого берега поднимаются отроги Саянских гор с глухой, непроходимой тайгою, по другую раскинулись заливные луга с высокими, по грудь человеку, душистыми травами, перелески и небольшое село Темь. Полтораста дворов. До города километров восемьдесят. Может, и больше: «мерила бабка клюкой, да махнула рукой». Летом над рекой не смолкают песни косарей; лесные чащи откликаются на них далеким многоголосым эхом. А зимой все замирает. И река, и лес, и село.

Впрочем, Темь славится не только своими песнями. Живет здесь немало умельцев, о которых говорят, что у них в руках и палка заиграет.

Отец Миши в молодости занимался хлебопашеством и охотой, потом стал колхозным пастухом. Семейство его состояло из десяти человек: он сам-друг, да восьмеро ребятишек — мал мала меньше. Бывало, в вечеру затеплит мать семилинейную жестяную лампу, поставит ее на шесток да сядет на скамейку около печки. Кружится снег за окном. Жужжит прялка. Худые узловатые пальцы наматывают на веретено тонкую нитку из кудели, и чуть слышно звучит в избе нескончаемая, как пряжа, песня. А Минька лежит на печке. Здесь хорошо пахнет овчинами, ногам тепло-тепло на горячих камнях. Он зажмурил глаза, обнял черного усатого кота и, еще не вникая в содержание песен, наслаждаясь лишь звуками голоса, слушает до полуночи дивные, бесхитростные мелодии.

Один из его старших братьев был гармонист. Когда он уходил из дому, Миша брал его гармоньтальянку, садился на полати и учился играть. Склонив голову набок, напевал он какую-нибудь песенку и старался подобрать аккомпанемент. Иногда что-то получалось, иногда — нет.

Когда умер отец, семья Чумаковых переехала в Кузбасс. Братья поступили работать на шахту в Ленинске-Кузнецком. Миша учился в школе и посещал кружок баянистов во Дворце культуры. Руководитель кружка Павел Иванович Длугоканский, добрейший человек и чуткий педагог, обратил внимание на даровитого подростка, стремился привить ему хороший музыкальный вкус, а когда Мише минуло шестнадцать лет, посоветовал ему ехать учиться в Москву. И вот, без долгих сборов, без семейных пирогов, без денег, и даже без билета, «зайцем», отправился Михайла Чумаков в дальний путь.

...В один из промозглых осенних дней тридцать седьмого года у платформы Свердловского вокзала остановился проходящий поезд. Началась обычная вокзальная сумятица. Потом раздался звонок, паровоз загудел, с коротким гулом выбил из трубы серую шапку дыма, состав дрогнул и пошел, постепенно набирая скорость. В этот момент в конце перрона показался невысокий русоволосый юноша. Он бросился было догонять поезд, несколько секунд бежал рядом с последним вагоном, потом отстал, остановился, погрозил удаляющемуся составу кулаком и, понурив голову, побрел к центру города. Дырявые ботинки плохо защищали от сырости. Налипшая комьями грязь делала их тяжелыми и неуклюжими. Но парень шагал, не обращая внимания на дождик, не обходя рытвин, все напрямик.

Миновав несколько улиц, он очутился у подъезда музыкального училища имени Чайковского. Огляделся по сторонам, тщательно помыл в луже ботинки, затем, вытерев носовым платком руки, пригладил ладонью вихор на макушке, одернул пиджак и, толкнув плечом дверь, поднялся по ступенькам в вестибюль. Из классов доносились звуки рояля, пассажи скрипок и переборы баяна. Юноша робко шел по коридору, оставляя за собой влажные следы на полу.

— А вам кого, молодой человек? — раздался вдруг сзади недовольный голос.

Паренек обернулся и, увидев невысокого пожилого человека с кудрявой головой, смущенно пролепетал:

— Нам? Нам бы директора...

— А вы кто?

— Я? Да, я тут... не здешний. Чумаков Михайла.

— Ну-с? Что же вам угодно?

— Да вот, хочу учиться музыке! — махнул рукой паренек и сверкнул раскосыми глазами, глядя исподлобья на строгого незнакомца.

Тот насмешливо прищурился (улыбка смягчила его взгляд) и, вздернув широкие, кустистые брови, сказал нараспев:

— А-а... Во-он что! Хотите доказать, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать!» Ну, что ж, идемте к инструменту.

...Все сложилось как нельзя лучше. Чумаков отлично выдержал экзамен и поступил учиться. Положительно решился и немаловажный для него вопрос об общежитии и стипендии. А человек с кудрявой головой (это был известный свердловский музыкант и педагог Владимир Васильевич Знаменский), рассказывая потом своим коллегам о забавной встрече, всякий раз восклицал:

— Нн-да-а... Послушав, как парнишка играет, я сразу понял, что это та-алантливый музыкант. И не ошибся.

Через несколько лет Чумаков окончил музыкальное училище. Весной он был призван в армию и направлен в ансамбль песни и пляски Уральского военного округа. Здесь и застала его Великая Отечественная война...

Пять лет напряженной работы в профессиональном коллективе, постоянное общение с первоклассным хором и оркестром, композиторами и музыкантами были для него прекрасной школой жизни.

Потом пришла победа, пришел мир. Демобилизовавшись из армии, молодой музыкант около двух лет работал в Уральском народном хоре, а весной сорок седьмого года приехал вместе с женой в Москву. Он мечтал о композиторском образовании, она — о педагогическом институте.

Хорошо, когда сбываются мечты!

3.

В Волжский народный хор он пришел в пятьдесят втором году. Организатор и художественный руководитель хора, заслуженный деятель искусств РСФСР П. М. Милославов сердечно встретил молодого коллегу и многое сделал для его дальнейшего творческого роста.

В то время у коллектива волжан не было еще своих песен и танцев, а если взглянуть правде в глаза, то нужно сознаться, что в сущности еще не было и артистов, ибо большинство молодежи, принятой в труппу, не имело ни музыкального образования, ни профессионального опыта. Некоторые театральные администраторы называли, шутя, новый коллектив «детским садом имени Милославова» и предсказывали ему безусловный художественный и материальный провал.

Чумаков начал свою работу в хоре с преподавания музыкально-теоретических дисциплин. Он читал лекции, вел студийные занятия, заставлял юных энтузиастов сцены «зубрить» азы музыкальной грамоты. К нему часто приходили «на проверку» новые певцы и певуньи. Бывало, прослушивается кто-нибудь из участников художественной самодеятельности, все говорят: «Хороший голос!». Но острый слух хормейстера улавливает в нем еле ощутимую «соринку». И мысль о том, каково происхождение «этой соринки», во что она может развиться при большой нагрузке юной певицы, не дает покоя. Ведь от правильного решения таких вопросов зависит и судьба артистки, и в какой-то мере будущее коллектива.

Хор готовил программу и упорно учился, приобретая постепенно профессиональные черты. Затем начались выступления на сцене. Но совершенствование исполняемых номеров не прекращалось. Оно продолжается непрерывно. Хормейстер стремится обогатить певцов виртуозной техникой и актерским мастерством, ведет с ними кропотливую повседневную работу. Как тут не вспомнить крылатый щепкинский афоризм: «Что бы значило искусство, если бы оно доставалось без труда»!

А гастрольные поездки! Это — жизнь на колесах в течение нескольких месяцев. Как-то во время поездки по Украине было решено включить в программу концертов одну из украинских песен. И вот, склонившись над нотной бумагой, во время хода поезда, Чумаков набрасывает хоровую партитуру. А через несколько дней разученная коллективом песня «Вэрховыно, маты моя» проникновенно исполняется в Большом зале Львовской консерватории и вызывает бурю восторгов.

Его песни и музыкальные сценки — «Волжская молодежная», «Песня о городе Куйбышеве», «Нам ли нашей Волгой не гордиться», «Дунин жених», «В Волжском хоре я пою» и другие — пользуются широкой известностью в городах Поволжья, а песня «Лети, ракета наша» была отмечена второй премией на Всесоюзном конкурсе на лучшую песню о труде и рабочем классе. Для большинства произведений Чумакова характерны жизнерадостность, теплый, задушевный лиризм и веселая шутка. В основе его мелодий, весьма разнообразных, всегда лежит русская народно-песенная интонация и активный ритм.

За плечами у Чумакова — около двадцати лет музыкальной деятельности, вдохновенного труда и творческого горения. Из них почти восемь лет отданы Волжскому народному хору. За эти годы хор показал свое искусство во многих городах и селах нашей страны, побывал во Франции и Германской Демократической Республике, завоевал признание и любовь народа. В его песнях есть несомненно доля труда и таланта хормейстера Михаила Дмитриевича Чумакова, которому нынешним летом было присвоено почетное звание заслуженного артиста Российской Федерации.

Среди многочисленных поздравлений, полученных тогда Михаилом Дмитриевичем, было и письмо от его первого учителя музыки Павла Ивановича Длугоканского. Он писал:

«Слушая по радио чудесные песни Волжского народного хора, вспоминаю нескладного подростка, который почти четверть века назад впервые пришел в кружок баянистов шахтерского Дома культуры. Верю в Ваш добрый, жизнерадостный талант».

Этими задушевными строками можно закончить очерк.

С. ЛИСЕЦКИЙ.